

ЮМОРЕСКИ ИЗ ЖУРНАЛА «ЗРИТЕЛЬ»

Публикация Б. Д. Ч е л ы ш е в а

В 1957 г. мною совместно с Б. И. Хлестуновым были обнаружены два неизвестных письма Чехова к Г. П. Кравцову, публикуемые ниже в настоящем томе. В одном из этих писем (от января 1883 г.), упоминая, что он работает в шести-семи московских и петербургских изданиях, Чехов сообщал свои псевдонимы: *А. Чехонте*, *М. Ковров*, *Человек без селезенки*. Второй из этих псевдонимов Чехова ранее известен не был. Как нам удалось установить, псевдонимом *М. Ковров* подписаны три иллюстрированные юморески, помещенные в журнале «Зритель»: «Скоморох», «Калиостро, великий чародей, в Вене» и «Женевьева Брабантская» («Зритель», 1883, № 2, 3 и 10).

Во всех трех заметках говорится о спектаклях театра М. В. Лентовского, которому Чехов в восьмидесятых годах посвятил немало строк в своих московских фельетонах.

Первая из них написана по поводу псевдоисторической пьесы «Смерть Ляпунова» С. А. Геденова, поставленной в театре Лентовского «Скоморох». Пьеса эта была написана в 1846 г. и получила в свое время отрицательную оценку Тургенева (см. И. С. Т у р г е н е в. Собр. соч., т. XI. М., 1956, стр. 55—70). Рецензия Тургенева, вероятно, не была известна Чехову, однако он, как и Тургенев, язвительно высмеял трескучий патриотизм и надуманность пьесы.

Вторая заметка написана Чеховым по поводу постановки в «Новом театре» Лентовского комической оперы «Калиостро, великий чародей, в Вене». Жизнь знаменитого мистификатора и авантюриста Калиостро послужила материалом для создания ряда произведений, в частности оперетты «Калиостро в Вене». Музыка к этой оперетте была написана Штраусом (в 1875 г.). Либретто оперетты отличалось редким безвкушем.

Третья заметка посвящена постановке буффонады «Женевьева Брабантская» (перевод с французского), с каламбурами и переодеваниями в купеческом вкусе (автор либретто — Этьенн Трефе). Премьера этого спектакля состоялась 27 января 1883 г.; вероятно, тогда его и видел Чехов.

I

«СКОМОРОХ» — ТЕАТР М. В. ЛЕНТОВСКОГО (3-е ЯНВАРЯ)

Начну прямо с начала. В коридорах темно и жутко, как в инквизиционных подвалах. Лишние лампочки не мешает поставить. Цена умеренная, всем видно, контролем не надоедают, публика аплодирует — значит, хорошо. Но чертовски холодно. Зуб на зуб не попадает, нос зябнет самым неприличным образом.

Когда мы вошли в театр, стоящие около вешалок предложили нам раздеться.

— А у вас тепло? — спросили мы.

— Тепло-с.

Мы поверили этим лгунам и заплатили по двугривенному. Заплатили даром, потому что через пять минут пришлось опять облечься в шубы. Не хорошо надувать. Коли холодно, так говорите, что холодно, а не берите двугривенных. Гг. капельдинеры, надевая на нас шубы, поздравили нас с Новым годом. Это после двугривенных-то. Вежливо, но — некрасиво. Народный обычай поздравлять — может не иметь места в народном театре.

В буфете все есть, но нечем закусывать после водки: ни килек, ни селетки.

Выход ужасен. Нужно отворять две половинки двери, а не одну, а то приходится выходить поодиночке, гуськом, что скучно и неудобно. Тесноту нужно избегать по многим причинам.

Мы глядели «Смерть Ляпунова», драму Гедеонова. Пьеса старинная, холодная, трескучая, тягучая, как кисель, но мы почти ничего не имеем против ее постановки на сцену «Скомороха». Пусть малознающая публика хоть за четвертак поучится истории. Это во-первых, а во-вторых, подобные пьесы понятны каждому, не тенденциозны и трактуют далеко не о пустяках... А этого, пожалуй, достаточно. При нынешней дороговизне и за это спасибо.

О труппе можно сказать весьма мало по весьма уважительной причине: видели ее только раз. Г. Рахимов ничего себе. Картавящий г. Пальм («князь П'енский... Говою тебе... д'юг д'югу»...), Осетров, Протасов годятся как для пьес, так и для сцены. Глядя на них, узнаешь тетку-провинцию. Г-жа Савина много ныла, много руками махала, энергично белками вращала, но ничего не вышло. Что-нибудь из двух: или она плохая актриса, или же озябла...

Думаем, что и то и другое.

М. К о в р о в

II

КАЛИОСТРО, ВЕЛИКИЙ ЧАРОДЕЙ, В ВЕНЕ (В «НОВОМ ТЕАТРЕ») М. и А. Л(ЕНТОВСКИХ)

1. —Слышали? А? Граф Калиостро дает такие капли, что если выпьешь, то помолодеешь... Ежели тебя не любят, так и против этого есть у него капли. Колдун! Золото делает, сквозь карман письмо читает! и т. д.

2. *Северин*. Не верьте, господа! Вздор! и т. д.

3. Приезжает Лоренца Феличиани (г-жа Волынская) и слабым голоском уверяет, что это правда. Около нее граф Принценштейн (г. Леонидов) и маркиз Центифоли (г. Вальяно) поднимают ноги выше головы, но тем не менее влияния на ход событий не имеют. Оба лишние.

4. *Граф Калиостро*. Интендант, кассир: большой приятель Рыкова. Вытащит деньги из воспитательного дома, не падая в обморок на бульваре... Превзошел изобретателя мази Иванова: изобрел элексир долгой жизни и любовный напиток. Шельма!.. Вечен — хочет жениться на миллионе тетушкиной племянницы, любящей барона Ливена. Доказывает ей, что барон ей неверен, и за доказательство ему обещали руку и сердце, и проч.

Надо отдать справедливость г. В(аль)цу. Это самый лучший фокус Калиостро. Поднимается стена, и надуваемые видят эффектнейшую картину. Феличиани помогает Калиостро. Она его жена, что видно из брачного свидетельства, хранящегося у Калиостро. Она не любит мужа и готова его полюбить с тем только условием, чтоб он позволил ей удрать от него. — «Помогай мне, говорит он, и я заплачу тебе отпуском во все четыре стороны!» Она и не знает, что свидетельство подложно и что их венчал

не священник, а лакей Калиостро... Она любит Штенерека (не за голос) и надувает его поневоле.

5. Гг. *Шеромов* и *Стрешнев*. Возмутительные тенора. Слушая их, заболеваешь изжогой. Изображают двух сиятельных балбесов, графа Штенерека и барона Ливена. Первый влюблен в Феличиани, второй — в Эмилию, тетушкину племянницу. Оба пьют любовный напиток, но, увидев, что Калиостро их надувает, начинают хорохориться и помогать добру побеждать зло и т. д.

6. Дочь швейцара, которую Калиостро выдавал за 70-летнюю старуху, хватившую каплю через меру. Плакала хорошо, за что и вкусила сладость аплодисментов.

7. Тетушка выпивает капли, и лакей Калиостро, одетый маркизом, делает вид, что влюблен в нее... За это Калиостро получит племянницу с миллионом... Но все имеет свой конец.

8. Лакей крадет у барина брачное свидетельство и продает его. Все открывается. Но Калиостро не робеет. Когда в доме тетушки Ливен требует, чтобы он расписался мошенником, Калиостро дает понюхать букет и Ливен засыпает. Приходит ясновидящая Феличиани, и т. д. Графу шах и мат.

9. Калиостро бежал из Вены с позором. Теперь он морочит уже не венских дур. Так добро побеждает зло.

10. Арбенин и Волховской были хороши, Волынская эффектна, оперетка тоже, но... в залах ужасно холодно! Около вешалок сквозной ветер.

С подлинным верно:

Н. Чехов
М. Ковров

III

ЖЕНЕВЬЕВА БРАБАНТСКАЯ

БУФФОНАДА В 4-х ДЕЙСТВИЯХ И 9 КАРТИНАХ

Маркграф Сифроа, герцог Кюрассо (г. Волховской). Женат на Женевьеве (г-жа Бельская). Глуп и туп, как двенадцать дюжин пробок. Несчастлив тем, что не имеет наследника. Когда-то, где-то колдун наложил на его родительские способности заклятье. Поет петушком и играет в куклы. Г. Волховской мастер изображать дураков. Всегда недурен.

Дроган, поваренок; маленький, но симпатичный голосок (г-жа Рюбан). Влюблен по уши в Женевьеву. Поет перед ее окнами.

Сей папшет был испечен поваренком, который, желая пробраться в пажи, врет, что покушавший этого папшета освобождается от ига колдунского. Ему, — увы! — верят, едят папшет, делают поваренка пажем... И что же?

Герцог обедается, чувствует в себе всевозможные чувства и объясняется в комнате Женевьевы в пламенной любви... Во время объяснения он хватается за живот. Приходится объяснение отложить до другого раза и бежать от поэзии к прозе. Дроган берется утешить бедную Женевьеву, которой «ничего не удастся». За ними подсматривает:

Каналья *Голо*, первый министр герцога, его главный советник и составитель речей. Этот несчастный влюблен в герцогиню и мечтает о герцогской короне. Злой демон оперетки. Одна из неудачных ролей. Г. Леонидов хорошо делал, что слишком шаржировал.

Герцог, объевшийся и держащийся за живот, лежит у себя в спальне на кровати. Стонет и слезно ерундит. Является Голо и извещает его об из-

мене жены. Герцог приказывает: Дрогана уколошить, а Женеьеву закопать живой в землю. Ужасно! По уходе Голо Сифроа видит в окно тень Дрогана.

— Я оболью его! — говорит он, и выливает за окно кувшин воды. Вода льется не на Дрогана, а на могущественного повелителя, *Карла Мартела*, большого и толстого человека с жестянкой из-под керосина на голове. За внезапную болезнью г. Чернова сию роль изображал... не помню кто (нигде так часто и так скоропостижно не заболевают, как за занавесом — тема для докторской диссертации). Мартел поет, бранится и приказывает своему вассалу, герцогу, следовать за ним: он едет в Палестину драться с сарацинами. Трубные звуки. Сбегается народ. Герцог плачет и спрашивает каждого: «Что бы вы сделали, будучи на моем месте, если бы вам изменила жена, болел бы у вас живот и вас тащили бы на драку с сарацинами?»

Поднимается декорация, чтобы уступить место другой.

Женеьева, преследуемая Голо, бежит из Брабанта с пажем Дроганом. Бегут через большой лес. Гроза. Их преследуют жандармы (гг. Родон и Вальяно), посланные Голо. Кстати сказать, Голо сочиняет телеграммы о смерти герцога и хочет завладеть короной. Жандармы ловят и хотят зарезать Женеьеву. Дроган одевается клоуном и приказывает суеверным жандармам оставить Женеьеву. Те повинуются, прокалывают с горя друг другу подмышки, падают... Повалявшись немного, они поднимаются, острят (умывальница... то бишь, усыпальница и т. п.), маршируют, ретируются.

На сцене поезд, идущий в Палестину. Свист и шипенье. Сифроа вручает бразды правления каналье Голо. Марш. Садятся в вагон. Свисток. *Adieux*.

Поезд не доходит до Палестины. По случаю ненастной погоды он останавливается около резиденции Карла Мартела. В резиденции колоссальный кутеж. Туда отправляется Дроган с прядью волос Женеьевы. Канкан и пьянство. Сифроа в вихре канкана забыл все: и корону, и отечество, и измену Женеьевы... Входит Дроган в костюме жандарма и, подавая прядь волос, объявляет, что Женеьева скончалась. Сифроа не печалится. Тогда лжежандарм рассказывает ему про козни Голо. Герцог собирается домой.

Одевшись турками, герцог и могущественный повелитель идут пешком в Кюрассо. Дорогой встречают они среди скал Женеьеву. Герцог недоумевает. Он видит умершую жену и его уверяют, что он уже умер. — Когда же я успел умереть? — спрашивает он. Супруги мирятся.

Голо объявляет себя брабантским герцогом. В самый момент объявления входит герцог и... добро побеждает зло. Голо — шах и мат, а Дроган и Женеьева, оба вместе, не выходят из объятий герцога. Канкан.

Декорации великолепны, исполнение хорошее, антре выше всякой критики, но... опять-таки около вешалок до безобразия холодно! И сами вешалки безобразны. Пространство, занимаемое каждой из них, так мало, что приходится более чем тесниться. Публика берет сама платье, несет его через головы, пачкает... Кто-то кого-то мазнул калошей по лицу.

Обратите внимание!

М. К о в р о в

«МОЯ СЕМЬЯ» —
ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ ФЕЛЬЕТОН ЧЕХОВА

Просматривая комплекты журнала «Зритель», мы обратили внимание на небольшую юмористическую заметку под заглавием «Моя семья» (1883, № 19). Заметка эта не подписана. В оглавлении вместо имени автора обозначены три заглавные буквы: С. Б. Ч.

Писателя, фамилия, имя и отчество которого начинались бы с этих букв (в различных сочетаниях), мы не знаем. В юмористических журналах того времени такой подписи нам больше не встретилось.

Между тем известно, что молодой Чехов подписывал некоторые из своих рассказов псевдонимом «Человек без селезенки» или сокращенно — «Ч. без с.». А рассказ «Патриот своего отечества» в журнале «Мирской толк», 1883, № 8, от 25 февраля, он подписал тремя начальными буквами этого псевдонима: Ч. Б. С. Можно предположить, что инициалы, которыми обозначен автор «Моей семьи», представляют тот же криптоним, написанный в обратном порядке. Такое предположение кажется тем более вероятным, что «Моя семья» по содержанию и стилю весьма близка к другим произведениям Чехова этих лет (ср., например, рассказ «Мои жены»); основу его составляет перечисление характерных черт персонажей.

Не противоречит предположению об авторстве Чехова и язык «Моей семьи».

МОЯ СЕМЬЯ

(БЕСПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К ПРОШЕНИЮ О ВСПОМОЩЕСТВОВАНИИ)

Тесть: Емельян Сидорович, отставной гардемариин. Мал ростом, худ, морщинист, но внушителен. Рожден в Кронштадте. Говорит, что купался в океане. Будучи в Константинополе, видел султана. Со времен отставки ищет место управляющего домом или имением. Не любит беспорядков и вечно читает мне нотации за нечистоплотность. Встает в четыре часа и сам чистит себе сапоги. Ложится в восемь часов. Спит в гостиной. Вечером дол-

го молится в моем кабинете, причем приказывает мне стоять и не курить. Искусства любит, но наук не признает. Ждет, что меня арестуют за то, что я читаю газеты. По праздникам будит меня к заутрене. В день ангела получает визитную карточку от друга детства, капитана 2-го ранга П. А. Дромадерова. Вечно трется в кухне около бочки с квасом. Часто плачет.

Теща: Глафира Кузьминична. Бабища шестидесяти лет, слезливое, богомольное, нравственное и вместе с тем в высшей степени ядовитое создание. Жалуется всем и каждому, что ее бог обидел зятем. Любительница цикорного кофе, сливок и рыбки. Мяса не ест: обет дала. Давно уже собирается умирать, но не умирает. Ежедневно ходит в гости. Хвастает, что ее старичок не употребляет горячих напитков. Сваха, дает деньги на проценты и скупает рухлядь. Меня величает «окаянным». Меня?! Я ли ее не кормлю? Я ли не выношу ее целодневных толков о том, что она чай без хлеба кушает? Я ли не даю ей денег на мазь Иванова, которой она по ночам натирает себе поясицу? Дрянь ты этакая!

Брат моей жены: Иван Емельянович. Брандмейстер, изгнанный со службы за неумеренное употребление спиртных веществ. Ищет должности и хочет жениться на нравственной девушке. В женщинах прежде всего признает «ум». Собственноручно режет кур, гусей и уток. Ходит на базар за харчами. Верит в спиритизм. Со мной в ссоре. Клянется, что из меня не

выйдет толку. Впрочем ссора не мешает ему курить мой табак и по целым дням валяться на моей кровати. Хочет купить себе ружье. Родителей не почитает.

Пантелей: другой брат моей жены. Служит кочегаром на железной дороге. Ходит к нам по субботам ночевать и всю ночь играет на гармонике. Обещает починить мне портсигар. Два раза судился у мирового судьи за буйство и два раза по настоянию Ивана Емельяныча подавал на апелляцию. Бьет Митю по голове. Умоляет меня, чтобы я его остриг. Пьяница.

Костяка: третий брат моей жены. Фельдшер, еженедельно пускает отцу кровь. Имеет в нашем околотке большую практику, но все зарабатываемое пропивает. Любит читать романы и выписывает газету Гатцука, которую никому не дает читать, боясь чтобы ее не запачкали. Рябой. Жениться не хочет, потому что в женщине видит причину всех зол. Дает от кашля детскую присыпку, приказывая употреблять ее внутрь на водке. Был в Москве на выставке и купил себе там прибор для показывания фокусов. Родителей не признает за их невежество. Меня не любит за то, что я не позволяю ему ставить на мой стол бутылки с лекарствами. Пьяница. Ворует у матери деньги и поедает ее варенья.

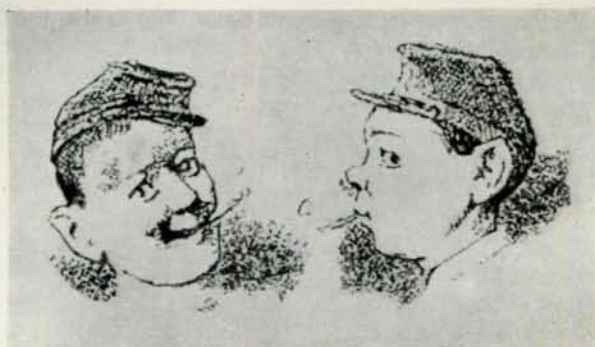
Моя жена: Агаша. Маленькое, пришибленное, безгрудое, курносое, сутуловатое, но крикливое существо. На лице постоянное выражение испуга. Боится родителей, братьев, мужа, мышей, лягушек, тараканов, больших мух... Ежегодно родит. В детстве была переехана пожарными лошадьми. Пять лет тому назад я купил ей серебряные часы, но она их не носит и не заводит, боясь испортить. Читает, но писать не умеет. Плачет каждый день. Стирает пеленки — это ее специальность.

Моя мамаша: Мавра Степановна, маленькая, согнутая старушенция. День и ночь боится воров и то и дело ходит посмотреть: заперта ли дверь? Вываривает из кроватей клопов и оклеивает стены картинками. Повитуха и костоправка. Опасный конкурент Костыки. Горячие напитки не отрицает.

Тетенька: (моя или жена; чья именно, не знаю). Заживо умершая. День и ночь лежит на печи, откуда никогда не слезает. Питается одним только чаем.

Митя и Ваня: мои сыновья, близнецы. Гимназисты первого класса. Усерднейшие потребители единиц и двоек. За поведение имеют тройку. Курят и на заборах пишут скверные слова. Пробегая по улице, дергают за звонки и срывают с дверей визитные карточки. Секу их ежедневно.

Зойка: моя дочь. Копаются около печи в золе. Друг кошки и собаки, с которыми спит. По ночам плачет и не дает мне спать, за что бывает жестоко бита.